

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

На правах рукописи

Соколова Анна Дмитриевна

**Городская похоронная культура в идеологии и практиках
довоенного СССР: историко-антропологический анализ**

Специальность 07. 00. 07 – этнография, этнология и антропология

Автореферат

Диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Москва

2021

Работа выполнена в Отделе русского народа Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН).

Официальные оппоненты:

1. **Нам Ирина Владимировна** – доктор исторических наук, профессор кафедры антропологии и этнологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
2. **Абашин Сергей Николаевич** – доктор исторических наук, профессор факультета антропологии АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»
3. **Агаджанян Александр Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор учебно-научного Центра изучения религий ФГБОУ ВО «Российский Государственный Гуманитарный Университет»

Ведущая организация: ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН»

Защита диссертации состоится **21 сентября 2021 года в 14.00** на заседании Диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д002.117.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32 А, корпус «В», 18 этаж, малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ордена дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и на сайте www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета

кандидат исторических наук

Наталья Александровна Лейбова

1 Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования.

В течение Советского периода общество, в особенности городское, претерпело многочисленные изменения, связанные не только напрямую с большевистской идеологией, но и с отходом от традиционного уклада, отказом от сословной организации, урбанизацией, развитием промышленности. В контексте моего исследования самым важным изменением стал существенный сдвиг похоронных практик, наряду с другими обрядами жизненного цикла, из публичной сферы в частную. Важнейшим следствием этого процесса стало то, что непосредственный сценарий проведения похоронного ритуала более не был предписан ни тем положением, которое занимала семья покойного в обществе, ни формальной принадлежностью к той или иной конфессии, а зависел лишь от воли и благосостояния самого покойного или его близких. Более того, в городах похороны в социальном контексте стали практически незаметны.

Похоронная культура русских, как и других народов бывшего Союза, стала не просто более универсальной, простой, аскетичной. Умирание, смерть и похороны – из закономерного итога любой жизни и события, которому подходит понятный каждому вид поведения, стали чередой событий, вызывающих неловкость, поскольку никто больше не имеет четкой, прописанной и проверенной поколениями программы действий, которая вписывала бы смерть и похороны в социальный контекст. Данная особенность современной похоронной культуры в России имеет корни в Советском периоде и обусловлена не случайным совпадением обстоятельств, а является продуктом базовых концептов, лежащих в основе советского проекта в целом.

Для того, чтобы понять причины и механику произошедших изменений я предлагаю рассмотреть ритуалы смерти как набор социальных актов в рамках теории обрядов перехода. По мнению Р. Герца, смерть уничтожает не просто человека, но социальную сущность, созданную в процессе длительных отношений между людьми¹. Эта сущность стала результатом долгой и кропотливой работы всего коллектива, поэтому общество, сталкиваясь со смертью одного из своих членов, не просто теряет одну из своих составных частей, смерть подрывает сами устои существования общества, для восстановления которых требуются усилия и время². Группе нужны действия, чтобы сфокусировать внимание своих членов, чтобы направить работу их воображения в определенное русло, чтобы заставить их поверить в то, что общество может продолжать существование после этого вызова³. Именно в русле такой интерпретации я предлагаю анализировать практики обращения с мертвыми телами в эпоху раннего СССР.

«Работа мертвых», то есть социальная роль практик обращения с мертвыми телами, бинарна. Для мертвых ее смысл заключается в обряде перехода из мира живых в общество мертвых. Христианский обряд, о котором часто рассуждали раннесоветские идеологи, основан на представлении о бессмертии души, которая покидает тело умершего человека для того, чтобы продолжить свою вечную жизнь. В то же время для живых похоронные практики играют важнейшую терапевтическую роль, помогая им адаптироваться к утрате, пережить ее и вернуться к прежней жизни. Раннесоветские пропагандисты и публицисты, признают эту бинарность, но призывают отказаться от первой части, связанной с идеей продолжения жизни за гробом, сохранив терапевтическую роль обряда, насытив ее новым содержанием. Опыт, однако, показал, что обе эти функции похоронных

¹ Герц Р. Смерть и правая рука. М., 2019. С. 155.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 169.

практик тесно связаны, и одна не работает без другой. В результате советский похоронный ритуал, даже исполненный в соответствии с лучшими образцами советской культуры, не приносит облегчения и успокоения. Он оказался социально дисфункциональным.

Хотя атеистические взгляды большевиков предполагали, что похоронный обряд можно легко очистить от религиозной составляющей, на практике оказалось, что просто и безболезненно удалить из него семантику, связанную с переходным характером похорон, невозможно. Оказалось, что при отказе от семантики перехода, лежащей в основе похоронного ритуала, исчезает вообще всякий смысл обращения с мертвыми телами. Одновременно и редукция похоронной культуры к набору санитарных мероприятий, которая казалась очевидной наиболее радикально настроенным большевикам, также оказывается недостаточной. Между тем основы мировоззрения большевиков не давали возможности предложить никакой альтернативной семантики смерти, кроме абстрактной «жизни в памяти потомков». Хотя эта суррогатная форма бессмертия получила большое развитие в советской массовой культуре, став, в частности, важнейшим основанием соцреализма в советской литературе⁴, ее символического содержания явно не хватало для создания работающего похоронного ритуала для простого советского человека. Дизайн, символика и процедура похоронного ритуала оставались крайне редуцированными, выхолощенными, и не имели никакого адаптивного потенциала, связанного с травмой смерти.

При всех попытках насытить этот новый ритуал смыслами, сделать его менее «фальшивым», с каждым поколением он приобретал все в большей и большей степени характер ритуала официального, ритуала власти. Не находя удовлетворения в этом новом обряде, большая часть населения либо воспроизводила в той или иной форме части традиционного (православного,

⁴ Подробнее об этом см. Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. 293 p.

мусульманского, иудейского и т.д.) обряда, либо совершала набор действий по утилизации тела, не сформированный в единый обряд. За прошедшие столетия смысловая лакуна, возникшая в раннесоветскую эпоху вокруг и внутри смертельных практик, не сошла на нет. Растерянность многих наших современников перед смертью отчасти наследует десемантизации смерти – одному из ключевых процессов в истории советской смертности. Многие люди не знают, как надо обходиться не только с теми, кто умер сейчас, но и с теми, кто умер уже давно, и даже очень давно. Это непонимание способствует бесконечным войнам памяти вокруг погибших в советский период, будь то Великая Отечественная война, ГУЛАГ или какие-то иные сходные по масштабам события⁵. При отсутствии единой семантики смерти не происходит пересборки общества, ведущей ко всеобщему примирению и восстановлению общности живых.

Степень разработанности темы. История похоронной культуры является достаточно разработанной областью в таких дисциплинах как *death studies*, культурная история, историческая антропология, этнология и этнография.

Наиболее ранними из книг, оказавших влияние на мое исследование, стали работы А. ван Геннепа⁶ и Р. Герца⁷, в которых смерть и похоронные ритуалы рассматриваются как социальное действие, цель которого необходимо искать в обществе живых. Ритуалы смерти и вся похоронная культура в целом призваны, по их мнению, стабилизировать общество, находящееся перед лицом утраты одного из своих членов, создать тот путь, идя по которому общество в целом и отдельные его индивиды не впадают в

⁵ О поиске компромисса в современных практиках коммеморации Великой Отечественной войны см. также: Архипова А.С., Доронин Д.Ю., Кирзюк А.А., Радченко Д.А., Соколова А.Д., Титков А.С., Югай Е.Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация дня победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84-122.

⁶ Геннеп А, ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. 198 с.

⁷ Герц Р. Смерть и правая рука: пер. с фр. М.: ARS PRESS, 2019. 264 с.

апатию, но продолжают жить и восстанавливают устойчивые социальные структуры, возвращаясь к исходному состоянию.

Культурный историк Т. Лакер подробно исследует, как меняется место мертвых тел и связанных с ними практик в западной культуре со средних веков до настоящего времени. Лакер обращает особое внимание на те колоссальные изменения, которые происходят в культуре при переходе к новому времени, как с меняющимся представлением о человеке, его месте в мире, с развитием медицины, науки и технологий, меняются и моральные практики, постепенно создавая те формы, которые являются доминирующими сегодня⁸.

Религиовед и теолог Д. Дэвис также рассматривает похоронную культуру как механизм, который помогает обществу противостоять разрушительным социальным эффектам, связанным с феноменом смерти. Он также рассматривает погребальные ритуалы как адаптивный ответ общества на смерть, и отдельно выделяет ритуальный язык как важнейшую форму этой реакции.⁹

В качестве отдельного блока можно выделить исследования, посвященные истории кремации в различных культурах, в том числе – работу П. Джаппа об истории кремации в Англии¹⁰, С. Протеро о кремационном движении в США¹¹. Отдельно стоит отметить фундаментальный труд «Encyclopedia of cremation» под редакцией Дугласа Дэвиса, представляющий

⁸ Laqueur, T.W. *The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains*. Princeton: Princeton University Press, 2015. 711 p.

⁹ Davies D. J. *Death, ritual and belief: the rhetoric of funerary rites*. Continuum International Publishing Group, London, 2002, 320 p.

¹⁰ Jupp P.C. *From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death*. Palgrave Macmillan UK, 2006. 252 p.

¹¹ Prothero S. *Purified by Fire: A History of Cremation in America*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. 280 p.

собой всесторонний справочник по всем аспектам истории и практики кремационного движения в новое и новейшее время¹².

Среди региональных исследований истории похоронной культуры следует отметить две работы по немецкой истории, в том числе – Н. Фишера¹³ и М. Блэк. Последняя рассматривая представления и практики, связанные со смертью в наиболее турбулентный период немецкой истории, прослеживает то, в какой степени эти практики испытывали влияние больших исторических потрясений и идеологических переломов¹⁴.

Таким образом, культурная история похоронной культуры в целом и отдельных ее проявлений в других странах является достаточно разработанной темой. Однако, трансформации похоронной культуры в России недостаточно вписаны в мировой контекст. Долгое время едва ли не единственными исследованиями, касавшимися похоронной культуры в России, оставались отдельные статьи об истории введения новой обрядности в СССР. Эти работы периода Холодной Войны, написанные западными авторами, чей доступ к источникам был крайне ограничен, заслуживают тем не менее внимания¹⁵. Более поздние работы о социалистической обрядности, также как правило не рассматривали отдельно изменения похоронного обряда в советское время¹⁶. В качестве исключения можно привести работу

¹² Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. 517 p.

¹³ Fischer N. Vom Gottesacker zum Krematorium. Eine Sozialgeschichte der Friedhöfe in Deutschland seit dem 18. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1996. 256 s.

¹⁴ Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии: пер. с англ. М.: НЛО, 2015. 408 с.

¹⁵ Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part I // *Man* (New series). 1979. № 14. P. 585-606; Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part II // *Man* (New series). 1980. № 15. P. 170-187; McDowell J. Soviet civil ceremonies // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1974. Vol. 13. No. 3. P. 265-279.

¹⁶ Байбури А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.; Хвостова Г. Использование социалистической обрядности для преодоления религиозности населения. // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2010. № 5(73). С. 127-138; Шлихта Н. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в

В. Смолкин «Проблема «Обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии», в которой автор приходит к выводу о том, что в советской культуре, сформированной на атеистических началах, проблема ритуального оформления «обыкновенной» смерти оставалась критически важной на протяжении всего Советского периода¹⁷. Отмечу также работы Н.С. Полищук, в которых дан взвешенный и сохранивший значение анализ формирования и первых случаев традиции революционных похорон¹⁸ и С.Г. Маслинской (Леонтьевой) о феномене пионерских похорон в 1920-е гг.¹⁹, которые позволяют увидеть советские идеологизированные похороны в более широкой перспективе.

Небольшое количество социологических и экономических работ посвящены изменению роли похоронных агентов в социуме, социальной нише, которую занимают работники похоронных служб, и особенностям этой профессии.²⁰

Значительно внимание исследователи уделяют теме традиционного похоронного обряда. Следует особо отметить работы, в центре которых — семантика традиционного обряда. Одна из наиболее ранних работ такого рода — исследование Д.К. Зеленина об особом способе поминовения людей,

условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950-е — 1960-е гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30). С. 380-407; Жидкова Е. советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30) С. 408-429.

¹⁷ Смолкин-Ротрок В. Проблема «Обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3-4(30). С. 430-462.

¹⁸ Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. №6. С.3-15; Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. №6. С.25-39.

¹⁹ Маслинская (Леонтьева) С.Г. «По-пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // Живая Старина. 2012. № 3. С.49 — 52.

²⁰ Филиппова С.В. Структурные изменения института ритуальных услуг в современном российском обществе // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2008. № 3(34). С. 276-282; Антонова А.С., Сюткин Г.Н. Региональные проблемы нормативно-правового обеспечения ритуально-похоронного дела // Вестник академии. 2012. № 1(31). С. 73-76; Елютина М.Э., Филиппова С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 86-94.

умерших неестественной смертью²¹. О. Седакова анализирует структуру и семантику отдельных элементов погребальной обрядности восточных и южных славян²². Составленные автором обобщенные схемы погребального и поминального обрядов славян, являются важной точкой отсчета для понимания трансформации структуры обряда²³. Большое внимание семантике традиционного похоронного обряда уделено А.К. Байбуриным²⁴.

Ряд работ посвящен анализу состояния традиционного похоронно-поминального обряда в Советский период. Эти работы написаны преимущественно на сельском материале. Хотя авторы прослеживают определенные изменения, все они сходятся в том, что похоронный обряд оказался наиболее устойчивым среди всех обрядов жизненного цикла, и сохранился наиболее полным образом. Среди этих работ отмечу исследования Г.А. Носовой, которые фиксируют важные сведения о состоянии сельского похоронного обряда в середине XX в.²⁵. Работы И.А. Кремлевой²⁶ и Т.А. Листовой²⁷ были важны с точки зрения учета православного фактора в формировании и сохранении традиционной обрядности. Важными являются также обобщающие работы о русском этносе, включающие разделы о похоронной обрядности²⁸. Ряд важных идей о механизмах формирования и сохранения похоронного обряда были

²¹ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. — М.: Индрик, 1995. — 432 с.

²² Седакова, О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. — М.: Индрик, 2004. — 320с.

²³ Седакова, О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

²⁴ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.

²⁵ Носова, Г.А. Бытовое православие (на материалах Владимирской области): Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1969. — 227с.; Носова, Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. — М.: ИНИОН РАН, 1993. — 254 с.;

²⁶ Кремлева, И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: традиции и современность // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — С. 8-47.

²⁷ Листова, Т.А. Похоронно-поминальные обычаи русских (на материалах Псковской и Смоленской областей) // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. — М.: ИЭА РАН, 1993. — С. 48-83.

²⁸ Русские (Серия «Народы и культуры»). — М.: Наука, 1997 — 828с.; Русские рязанского края. М.: Индрик, 2009. — Том 2. — 748 с.

высказаны в работах Л.А. Тульцевой²⁹. Исследованию преемственности традиционных практик в постсоветский период посвящены работы Дж. Руе-Уиллоби³⁰ и М. Боухарда³¹.

Стоит отметить, также ряд работ, рассматривающих комплекс похоронно-поминальной обрядности на границе этнографии и фольклора³², уделяя особое внимание обрядовому фольклору. Это, в первую очередь,

²⁹ Тульцева Л.А. Погребальные и поминальные обычаи // Русские. Этно-социологические очерки. — М.: Наука, 1992. — С. 355-361; Тульцева, Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. — М.: Наука, 1985. — 191 с.; Тульцева, Л.А. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения // Советская этнография. — 1979. — №4. — С. 43-57.

³⁰ Rouhier-Willoughby J. Contemporary Urban Russian Funerals: Continuity and Change / J. Rouhier-Willoughby // FOLKLORICA. 2007. Vol. XII. P. 109-128

³¹ Bouchard M. Graveyards: Russian ritual and belief pertaining to the dead // Religion. October 2004. Vol. 34(4). P. 345-362.

³² Гусев, В.Е. От обряда к народному театру (эволюция святочных игр в покойника) // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. — Л.: Наука, 1974. — С.49-60; Соколова, В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической обрядности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — М.: Наука, 1977. — С. 188-196.

работы Н.Н. Велецкой³³, И.А. Кремлевой³⁴, Л.Г. Невской³⁵, О.А. Седаковой³⁶, И.И. Шангиной³⁷ и другие.

Важно отметить также обобщающую работу по созданию программ сбора полевого материала по похоронно-поминальным обычаям и обрядам. Программа сбора полевого материала, разработанная И.А. Кремлевой, стала важной основой при первом знакомстве с традиционным похоронным обрядом и его современным бытованием³⁸.

Работы С. Мохова посвящены в основном особенностям современного похоронного дела и похоронной культуры в России. В своих работах Мохов также обращается и к Советскому периоду, показывая преемственность между этим периодом и современностью. Автор уделяет особое внимание проблеме похоронной инфраструктуры, показывая, что состояние материальных объектов и качество похоронного обслуживания тесно связано

³³ Велецкая, Н.Н. Языческие представления о загробной жизни и рудименты их в славянской народной традиции // *Македонски Фолклор*. — 1969. — №3-4. — С. 317-326; Велецкая, Н.Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности. // *История, искусство и фольклор славянских народов. V международный съезд славистов*. — М., 1968. — С. 192-213; Велецкая, Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. — М.: Наука, 1978. — 239 с.

³⁴ Кремлева, И.А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области // *Полевые исследования института этнографии*. — М., 1980. — С. 25-35. Похоронно-поминальные обряды. // *На путях из Земли Пермской в Сибирь*. — М.: Наука, 1989. — С. 286 — 308; Кремлева, И.А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских // *Русские: семейный и общественный быт*. — М.: Наука, 1989. — С.248-264.

³⁵ Невская, Л.Г. Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры. // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд*. — М.: Наука, 1990. — 135 — 146 с.; Невская, Л.Г. Семантика дороги и смешанных представлений в погребальном обряде // *Структура текста*. — М.: Наука, 1980. — С. 228-239; Невская, Л.Г. Дорога в погребальном обряде. // *Конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом, 11 -15 декабря 1978г.»: предварительные материалы*. — М.: Наука, 1978. — С. 104-107.

³⁶ Седакова, О.А. Материалы к описанию Полесского погребального обряда // *Полесский этнографический сборник. Материалы и исследования*. — М., 1983. — С.246-262; Седакова, О.А. Обрядовая терминология и структура обрядового текста: Дисс. ... канд. филолог. Наук. — М.,1983. — 188с.

³⁷ Шангина, И.И. К вопросу о пережитках древних верований в быту русских крестьян XIX в. // *Этнография народов Восточной Европы (сборник статей)*. — Л.: изд. ГО СССР, 1977. — С. 118-124.

³⁸ Кремлева, И.А. Программа сбора материала по похоронно-поминальным обычаям и обрядам. // *Русские: семейный и общественный быт*. п/р М.М. Громыко. — М.: Наука, 1989. — С. 307-327.

с общим состоянием похоронной культуры и спецификой нормативного регулирования. Отдельный интерес представляет его идея о том, что стабильно дисфункциональное состояние похоронной инфраструктуры в России имеет свою внутреннюю рациональность. Этот набор поломок не стремится к исправлению и нормализации, а сам по себе становится ритуальной практикой, осуществляя работу по производству социального порядка³⁹.

Отдельную группу составляют работы, в которые анализируются политические функции мертвых тел и смертных практик. Одной из ранних работ в этой области стала книга Ж. Бодрийера «Символический обмен и смерть», в которой автор, среди прочего, приходит к выводу о том, что именно контроль над мертвыми в обществе — это способ достижения контроля над живыми и создания социальных иерархий⁴⁰. Эту линию продолжают работы казанского историка С. Малышевой, которая полагает, что изменения, произошедшие в похоронной культуре в Советский период, связаны с сознательной работой большевиков по инструментализации смерти, использованию смертных практик в своих политических целях⁴¹.

К. Мерридейл анализирует влияние, которое оказали на похоронную культуру и культуру памяти в СССР опыт массового насилия и переживание большого числа смертей⁴². Исторической памяти и политической скорби в

³⁹ Мохов С.В. «Идеальные поломки»: Инфраструктура рынка ритуальных услуг и производство социального порядка // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 146-160; Мохов С.В., Зотова В.А. Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 21-36; Мохов С.В. Пространство и дисфункциональность инфраструктуры в контексте похоронного ритуала // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 189-212. Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 324 с.

⁴⁰ Бодрийер Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.

⁴¹ Малышева С. "На миру красна": инструментализация смерти в Советской России. Москва: Новый хронограф, 2019. 464 с.

⁴² Merridale C. Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia. New York and London: Penguin Books, 2002. 402 p.

контексте мортальных практик также посвящена книга А. Эткинда «Кривое горе. Память о непогребенных»⁴³.

Важную роль для исследований политических функций мертвых тел в Советской истории играют недавние работы А. Юрчака об истории сохранения тела Ленина и той роли, которое это тело играло в политической жизни страны после 1924 года⁴⁴. Политическую роль мертвых тел в пост-социалистическом мире, в том числе — применительно к телу Ленина, анализирует К. Вердери⁴⁵. Эти публикации существенно дополняют наше понимание государственных практик, связанных с сохранением тела Ленина, сформированное во многом пионерской работой Н. Тумаркин «Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia»⁴⁶.

Внеобрядовые, в том числе — политические и социальные — аспекты похоронной культуры разрабатывают также авторы, анализирующие практики спонтанной мемориализации, в частности Дж. Сантино, Э. Досс, П. Я. Маргри, К. Санчез-Карретеро. Исследователи обращают внимание на перформативный характер таких практик, а также на их важную роль в «работе» эмоций, переживании обществом критических моментов⁴⁷.

Наряду с работами, которые прямо или косвенно можно отнести к направлению *death studies*, необходимо отметить также ряд работ по советской истории, без обращения к которым невозможно увидеть тот более

⁴³ Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М: НЛЮ, 2016. 328 с.

⁴⁴ Yurchak, A. The canon and the mushroom Lenin, sacredness, and Soviet collapse // *Hau: Journal of Ethnographic Theory* 7 (2): 165 — 198, Yurchak A. Communist Proteins: Lenin's Skin, Astrobiology, and the Origin of Life // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20(4). P. 683-715. Yurchak, A. Bodies of Lenin: The Hidden Science of Communist Sovereignty// *Representations* (2015) 129 (1): 116 — 157.

⁴⁵ Verdery K. *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Post-Socialist Change*. New York: Columbia University Press, 1999. 208 p.

⁴⁶ Tumarkin N. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1983. 315 p

⁴⁷ *Grassroots Memorials. The Politics of Memorializing Traumatic Death.* / Ed. by Peter Jan Margry and Cristina Sánchez-Carretero. New York, Oxford: Berghahn, 2011. 376 p.; *Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death.* / Ed. by Jack Santino. Palgrave Macmillan, 2006. 368 p.; Doss E. *The Emotional Life of Contemporary Public Memorials: Towards a Theory of Temporary Memorials*. Amsterdam University Press, 2008. 52 p.; Громов, Д. Немцов Мост: стихийная мемориализация. М. ИЭА РАН, 2017. 229 с.

широкий контекст трансформаций, в котором происходили изменения похоронной культуры. Важными для моего исследования стали работы, анализирующие разнообразные утопические проекты раннесоветского периода. Р. Стайтс анализирует то как идеалы равенства, общинной жизни, пролетарской морали и поклонения технологиям, провозглашенные революцией, реализовывались в ряде смелых экспериментов первого десятилетия Советской⁴⁸. К. Пинноу исследует отношение идеологии большевиков к самоубийствам⁴⁹. Э. Вуд обращается к трансформации традиционных гендерных отношений в советский период, чтобы понять, как формируется новое видение роли женщины в советском обществе⁵⁰. Отдельный интерес представляют работы, посвященные советской идеологии научного атеизма. В. Смолкин показывает, что научный атеизм был переосмыслен как альтернативная космология со своим собственным набором позитивных верований, практик и духовных обязательств⁵¹. В. Хабсбанд обращается к непродолжительной, но яркой истории «Общества воинствующих безбожников»⁵². К. Келли рассматривает судьбу церковных зданий в Петрограде и Ленинграде после декрета об отделении Церкви и Государства⁵³.

Изменения в похоронной культуре довоенного СССР невозможно рассматривать вне анализа процессов создания и становления нового Советского государства. Находясь на стыке различных административных и идеологических сфер, похоронная культура с одной стороны испытывала их

⁴⁸Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution* / New York: Oxford University Press, 1991. 344 p.

⁴⁹ Pinnow K.M. *Lost to the Collective: Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921 — 1929*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2009. 288 p.

⁵⁰; Wood E.A. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 328 p.

⁵¹ Smolkin V.A. *Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. 339 p.

⁵² Husband W.B. *"Godless Communists": Atheism and Society in Soviet Russia, 1917-1932*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000. 258 p.

⁵³Kelly C. *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918 — 1988*. Illinois: Northern Illinois University Press, 2016. 440 p.

влияние, а с другой — претерпевала те же изменения, что и коммунальная сфера, городское планирование и другие области. Рассматривая трансформации похоронной культуры в раннем СССР как неизбежный результат изменившегося понимания человеческой природы и смертности среди носителей большевистской идеологии, я вдохновлялась работами исследователей, анализирующих становление и развитие особой советской субъективности⁵⁴. Административную и материальную стороны изменений в похоронной культуре невозможно было бы рассматривать вне контекста работ о коммунальном и муниципальном хозяйстве. Среди этих работ наиболее важной является исследование И.Б. Орлова, посвященное становлению системы жилищно-коммунального хозяйства в СССР.⁵⁵ Важный контекст дают также работы по советской жилищной политике рассматриваемого периода, в частности — относительно предела смягчения новых муниципальных принципов, которые стали возможны в период НЭПа⁵⁶. Работа Т.М. Смирновой о функционировании системы детских домов показывает, что крайне схожие процессы потери контроля над администрированием в новых условиях происходят и в такой далекой от похорон области как забота о детях, оставшихся без попечения родителей⁵⁷. Работы по общей социальной истории периода, в первую очередь — работы Ш. Фицпатрик, позволяют включить процессы, происходившие в

⁵⁴ Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1997. 728 p.; Halfin, I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge: Harvard University Press. 2003. 344 p.; Halfin, I., Hellbeck, J. *Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's "Magnetic Mountain" and the State of Soviet Historical Studies* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44(3). S. 456-463. Хелльбек Й. «Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи». М.: Издательство НЛЮ, 2017. 424 с.

⁵⁵ Орлов, И. *Коммунальная страна. Становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941)*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 344 с.

⁵⁶ Matsui, Y. *Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917-1937* // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Vol. 26. P. 109-139.; Кириллова, Е.А. *Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде* // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2016. Vol. 43(1). С. 5-35.

⁵⁷ Смирнова, Т.М. *Советский режим и человеческий фактор на примере функционирования системы детских домов. 1917 — 1930-е годы* // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2016. Vol. 43(1). С. 36-66.

похоронной культуре, в более широкий контекст социальных трансформаций⁵⁸. Работы о советской культуре В. Паперного и Е.А. Добренко позволили мне говорить о том, что изменения в администрировании похоронной культуры, произошедшие в 1930-е годы, были частью более широкого процесса «отвердевания культуры»⁵⁹. Работы К. Петроне и М. Рольфа о советских праздниках позволили мне размышлять о ритуальной стороне похорон в контексте трансформаций обрядово-праздничной культуры этого периода⁶⁰. Важной для меня стала работа К. Кларк, рассматривающая романы, написанные в стиле социалистического реализма, как важное отражение советской идеологии в целом, а также ее идеи о смерти Героя и его символическом бессмертии в памяти потомков⁶¹. Работы, анализирующие раннесоветскую архитектуру и градостроительную политику позволили мне понять, как вписывались моральные пространства в структуру новых и старых советских городов⁶².

Объект и предмет исследования. Объектом настоящего исследования является похоронная культура довоенного СССР. Предметом моего исследования стали изменения практик обращения с мертвыми телами в довоенном СССР.

⁵⁸ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

⁵⁹ Паперный, В. Культура два. М.: НЛЮ, 1996. — 384 с.; Добренко Е.А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: НЛЮ, 2008. 416 с.

⁶⁰ Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2000. 413 p.; Рольф, М. Советские массовые праздники: пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 439 с.

⁶¹ Clark, K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. 293 p.

⁶² Ditchev, I. Communist Urbanization and Conditional Citizenship // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2005. № 9(3). P. 341-354. Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР: пер. с нем. / Сост. Х. Боденшатц, К. Пост. СПб.: Verlagshaus Braun; SCIO Media, 2015. 416 с.; Меерович, М.Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. Иркутск: Издательство ИрГТУ, 2008. 472 с.; Коньшева, Е.В.; Меерович, М.Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: Ленанд, 2012. 224 с.; Хан-Магомедов, С. Архитектура советского авангарда: в 2 т. Т. 2. М.: Стройиздат, 2001. 712 с.

Хотя в анализ включены некоторые факты из дореволюционной и послевоенной истории, основным фокусом внимания стал период между 1917 и 1940 годами, поскольку именно в это время происходили основные изменения, связанные с формированием нового миропонимания советского человека. Говоря о роли новых представлений о смертности в советском проекте, я обращаюсь преимущественно к самым базовым практикам обращения с мертвыми телами и их утилизации, поскольку именно этот круг практик в наибольшей степени испытывал влияние государства и был сформирован большевистскими представлениями о новом человеке и мире будущего.

Фокусом данной работы является исследование нормативности советского проекта, поэтому я говорю о нормативных практиках обращения с мертвыми телами, оставляя в стороне те подчас экстремальные практики, которые были связаны с Гражданской войной, Второй Мировой войной, эпидемиями, голодом и репрессиями. Взаимодействие с ситуацией смерти, решение разнообразных проблем, связанных с погребением родственников, стало важнейшим опытом, сформировавшим современное российское общество не в меньшей степени, чем миллионы смертей насильственных. Именно эти повседневные смерти от старости и болезней становились основным предметом административного регулирования, и именно на этом материале мы можем видеть, какова была нормативность похоронной культуры с точки зрения нового режима.

Советский проект в основе своей был глубоко модернистским, и как следствие – урбанным. Преимущественно городская рабочая среда была основной аудиторией РСДРП(б) еще до 1917 года. После прихода к власти, большевики, невзирая на риторику о «смычке города и деревни», не сильно изменили эту позицию. Все городское и модерное в советском дискурсе было прогрессивным, в то время как деревенское, традиционное было отсталым, наполненным дефектами и пережитками. К области пережитков относилась и

вся похоронная культура, в том числе кладбища. Борьба с пережитками⁶³ традиционной культуры была важнейшей частью работы по созданию нового человека и общества. Именно поэтому в фокусе моего исследования находится не сохранение народных традиций⁶⁴, а процесс отхода от них.

Большая часть имеющегося материала касается Москвы и Петрограда (Ленинграда), подавляющее большинство населения которых к 1917 году были русскими православного вероисповедания. Несмотря на ограниченность материала, отдельные сведения по регионам с доминированием других этнических и конфессиональных групп говорят о том, что ситуация там не отличалась принципиальным образом от ситуации в Москве или Петрограде (Ленинграде). Поэтому, признавая всю условность и ограниченность такого подхода, речь в данном исследовании пойдет в основном о русском населении, традиционно исповедовавшем православие.

Цели и задачи исследования Я поставила цель выявить основные направления изменений, произошедших в похоронной культуре довоенного СССР, причины и основных акторов этих изменений, а также их последствия для советского человека и советской культуры в целом.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1 Проанализировать историю похоронных реформ в Российской Империи и Советской России.
- 2 Проанализировать генезис и развитие практики революционных (красных) похорон.

⁶³ Алымов С.С. Понятие «Пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг. // Антропологический форум. 2012. №16. С. 261-287.

⁶⁴ Ритуал, в том числе и похоронный, в традиционной культуре – давно и хорошо исследуемая тема. См., например: Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 100-122; Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.; Седакова О.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: ИЭА РАН, 1993. 310 с.

3 Проанализировать историю легализации и развитие практики кремации в раннем СССР в контексте идеологических позиций активистов кремации и гигиенического дискурса рубежа веков.

4 Проанализировать место мортальных пространств в пространстве социалистического города, как в его идеальном представлении, так и в реальной повседневности городов раннего СССР.

5 Проанализировать изменения в похоронном администрировании в Советской России и СССР, показать влияния похоронного администрирования и экономических факторов на трансформации похоронной культуры.

6 Проследить развитие основных тенденций раннесоветских трансформаций похоронной культуры в послевоенный период.

Научная новизна работы определяется слабой разработанностью самой темы, на что уже указывалось выше. Новым является также и сам подход, выбранный для этой работы. Трансформации похоронной культуры рассматриваются не как осознанная и целенаправленная работа Советской идеологии по трансформации традиционной культуры, а как результат сложных изменений, происходивших в российском обществе как до 1917 года, так и после. В данной работе анализ имеет транзитивный характер, и рассматривает советский период не отдельно, а как одну из стадий более длительного и масштабного процесса формирования похоронной культуры. В работе прослеживается генеалогия отдельных векторов трансформации похоронной культуры, проводятся аналогии между реформами советского времени и более ранними реформами. В то же время, и последствия советских похоронных реформ рассматриваются в контексте более ранних тенденций развития похоронной отрасли.

Эволюция похоронной культуры довоенного СССР также не рассматривается изолировано от мировых тенденций этого периода. Важной и новаторской чертой данной работы является то, что я анализирую

советский опыт не только как уникальный эксперимент по созданию общества нового типа, но и в контексте тех процессов, который происходили в похоронной культуре Западной Европы в XVIII-XIX веках. Такой подход позволяет с одной стороны более четко уловить уникальные черты советского проекта, а с другой — показать его интернационалистский характер. Проведенный анализ демонстрирует, что политика новых властей в области похоронного дела во многом преследовала цель привести советскую похоронную культуру в соответствие со стандартами индустриально развитых стран того времени. Не менее важно и то, что запрос на модернизацию похоронной сферы в России начал активно формироваться уже в конце XIX века.

Проследив с одной стороны преемственность эволюции похоронной культуры советского периода с досоветским, а с другой стороны поместив советской опыт в международный контекст, я смогла увидеть те черты похоронной культуры, которые в действительности были уникальны для советского периода. Анализ этих черт дает возможность выявить специфические изменения, произошедшие в советский период и сформировавшие специфическое понимание человека. Наиболее важным здесь является материалистический подход большевистской идеологии к человеческой природе, который в свою очередь приводит к разрушению традиционных смыслов, связанных с человеческой смертностью и долгим попыткам сформировать новые интерпретации.

В работе впервые предпринята попытка антропологической интерпретации раннесоветской похоронной культуры как совокупности адаптивных социальных практик. Показано, что сбои и нарастающая дисфункциональность в похоронной сфере не являлись лишь проблемой дефицита, управления или сферы обслуживания, а были свидетельством более серьезных и глубинных нарушений механизмов воспроизводства социальной связности, связанных с ней коллективных практик и смыслов.

Такая интерпретация позволяет по-новому осмыслить парадоксальные и не всегда прозрачные инициативы этого периода, а также понять динамику трансформаций в этой сфере.

Описанные подходы потребовали привлечения широкого круга источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Теоретическая и практическая значимость работы связаны прежде всего с тем, что изменения похоронной культуры, рассмотренные в этом исследовании, являются частью существенных трансформаций отечественной культуры в целом. В работе прослеживаются не только сами трансформации, произошедшие в довоенный период, но и их широкое влияние на последующие периоды, вплоть до современности. Основные проблемные кластеры похоронной культуры и их изменение вслед за меняющимся пониманием природы человеческого бытия, могут быть также применены при анализе пост-советских обществ и шире – процессов, происходящих в разных странах Восточной Европы, входивших в советскую зону влияния. Механизмы, выявленные в данной работе, могут быть также использованы при анализе процессов в других обществах, проходящих фазу значительной трансформации.

Методология и методы исследования В основе методологии этого исследования лежит подход культурной (культуральной) истории, предполагающий интерес к ценностям и внутренней рациональности отдельных групп в конкретных местах и в конкретные периоды⁶⁵. Именно поиск внутренней рациональности в риторике и практиках раннесоветской похоронной культуры был основным принципом данной работы, руководствуясь которым я искала основания и предпосылки рассматриваемых явлений не только непосредственно в текстах декретов, инструкций и распоряжений новой власти, но и в процессах, происходивших

⁶⁵ Бёрк П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 11.

в Российской Империи, странах Европы и Америке в XVIII, XIX и начале XX веков.

Рассматривая похоронную культуру как наиболее консервативную часть культуры в целом, вслед за Т. Лакером я предполагаю, что конкретные формы похоронной культуры в обществе зависят от той «работы», которую «делают» мертвые в этом обществе⁶⁶. Вслед за А. ван Геннепом⁶⁷ и Р. Герцем⁶⁸, Лакер утверждает, что социальная функция похоронной культуры выходит далеко за пределы непосредственной задачи утилизации мертвых тел, она состоит в том, чтобы поддерживать стабильность социальных структур, которые оказываются под угрозой перед лицом смертельной природы человека. Конкретные формы похоронных ритуалов и похоронной культуры в целом, таким образом, отражают важнейшие представления о человеческой природе и отношениях между живыми, доминирующие в определенный момент жизни данной культуры.

В работе я показываю, что похоронная культура, как наиболее консервативная часть культуры в целом, не может быть изменена декретом или указом, а в деятельности рассматриваемого сообщества в целом и его частей – кремационистов, большевиков, администраторов – есть внутренняя рациональность, связанная с социальными трансформациями, опытом насилия и смерти, со сменой дискурсивных моделей – рациональность, которая сама по себе меняет и культуру, и людей. Для того, чтобы раскрыть эту рациональность, увидеть те глубочайшие изменения в понимании человека и его природы, которые произошли при появлении советской культуры, я обратилась к истории дискурсивных практик раннесоветского периода. Вслед за Мишелем Фуко я полагаю, что дискурсивные практики конструируют или конституируют объекты, о которых говорят, и в конечном

⁶⁶ Laqueur T.W. *The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains*. Princeton, 2015. P. 10.

⁶⁷ Геннеп А, ван. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. М., 1999. 198 с.

⁶⁸ Герц Р. *Смерть и правая рука*: пер. с фр. М.: ARS PRESS, 2019. 264 с.

счете — культуру или общество как целое⁶⁹. Рассматриваемые в работе дискурсивные практики, конструировавшие изменения в похоронной культуре, не являются насажденными сверху небольшой группой большевиков, пришедших к власти в октябре 1917 года, а отражают сложные процессы, происходившие в российском обществе в первой четверти XX века. В этом смысле важной также является теория модерности, описывающая широкий набор сходных изменений в культурах западных обществ в период с XVIII по начало XX века⁷⁰.

Не менее важным подходом в поиске внутренней рациональности изменений похоронной культуры в раннем СССР стало направление исследований советской субъективности. Данное направление предполагает, что важнейшей его частью процесса создания Советского государства была постоянная работа активных коммунистов, комсомольцев и сочувствующих беспартийных по осознанию себя политическими субъектами и планомерному строительству своей новой большевистской идентичности. Строительство новой субъективности осуществлялось во многом через овладения навыком «говорения по-большевистски»⁷¹. Этот процесс перерождения в советского человека, начало новой жизни в новом, еще не построенном обществе, создавал сложные сообщества своих внутри советского общества.⁷² Данный подход позволил мне по-новому взглянуть на коммунистические похоронные практики и пространства коммунистических некрополей.

⁶⁹ Фуко М. Археология знания: пер. с фр. СПб. ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. С. 61-147.

⁷⁰ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.; Eisenstadt S.N. Comparative civilizations and multiple modernities. Part I. Leiden, Boston: Brill, 2003. 488 p.; Eisenstadt S.N. Comparative civilizations and multiple modernities. Part II. Leiden, Boston: Brill, 2003. 564 p.

⁷¹ Halfin, I., Hellbeck, J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's "Magnetic Mountain" and the State of Soviet Historical Studies // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44(3). P. 456-463; Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. California: University of California Press, 1997. 728 p.

⁷² Halfin I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge: Harvard University Press. 2003. 344 p.

Описанный выше методологический подход определил конкретные методы работы. В ходе работы с источниками я прежде всего стремилась сосредоточить внимание на протоколах заседаний, содержащих предельно развернутые обсуждения, а не только фактологические данные, представленные вне соответствующего контекста. При этом я обращалась не только к «профильным» фондам похоронных отделов, но и фондам смежных и вышестоящих организаций – наркомата здравоохранения, архитектурных организаций, Наркомата контроля, Совета народных комиссаров. Это позволило мне выйти за пределы статистических показателей и применить к имеющемуся материалу дискурсивный анализ. Кроме того, для меня было важно не ограничиваться административным нарративом об управлении похоронной сферой, а рассматривать его в контексте более широких дискурсивных практик советского периода. С этой целью особое внимание было уделено художественной литературе и публицистике. Также широко применялся визуальный анализ, выявляя специфику символического ландшафт раннесоветской похоронной культуры через анализ траурных венков, надгробных памятников, траурных фотографий и других артефактов. Для понимания международного культурного контекста рассматриваемых процессов я применяла компаративный и сравнительно-исторический анализ.

Материалы и источники Изложенная выше методология потребовала привлечения широкого круга источников, среди которых были протоколы заседаний различных учреждений, статистические и финансовые отчеты, экономические документы, ревизии и отчеты органов контроля, юридические документы, эго-документы, художественная литература, публицистика и пресса.

Наиболее полным и последовательным источником стали материалы о работе похоронного отдела Московского коммунального хозяйства, отложившиеся в фондах Государственного архива Московской области (ГАМО) (Фонд 4557 — Московское коммунальное хозяйство, 1917 — 1929

гг.), а также материалы о работе похоронных служб Петрограда (Ленинграда) из фондов Центрального городского архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) (Фонд Р-2815 — Комиссариат здравоохранения союза коммун северной области. 1918-1919, и Фонд Р-3183 — Подотдел хозяйственных предприятий Петроградского губернского отдела коммунального хозяйства. 1921 — 1924 г.).

В отличие от более привычных для антропологов биографических фондов, документы этих фондов представляют собой по большей части годовые отчеты и протоколы рабочих заседаний отделов, отвечавших в разных городах и в разное время за похоронное администрирование. Эти документы зачастую не содержали единого связного нарратива, и представляли собой достаточно разрозненные свидетельства о тех практических проблемах, с которыми сталкивались похоронные администраторы в разное время.

Изучив подшивки протоколов производственных собраний разных отделов за многие годы, я увидела, как менялся язык администраторов, приоритеты развития похоронного хозяйства, какие силы, организации и личности в разные годы были наиболее влиятельны в этой сфере, какие организации составляли круг деловой коммуникации отделов. Все это позволило не только проследить изменения внутри похоронной культуры, но и оценить то место, которое занимала похоронная сфера в дискурсивных практиках рассматриваемого периода.

Помимо краткой записи заседаний, к протоколам также подшивались некоторые из документов, которые обсуждались на заседаниях. Среди них были письма, газетные вырезки, отчеты, проекты и выписки из протоколов заседаний смежных структур. Все эти документы помогли мне воссоздать контекст, в котором принимались решения в похоронной сфере. Кроме того, среди этих дополнительных документов зачастую были развернутые

описания, создававшие фактуру происходивших процессов. Особое значение среди этих материалов имеют проекты развития похоронной отрасли, которые в разные годы создавались в Московском похоронном отделе.

Среди документов похоронных отделов я также работала с делами по личному составу. В основном объеме это были анкеты рабочих и служащих отделов, которые позволяют увидеть круг людей, которые занимались похоронным администрированием в Москве и Петрограде (Ленинграде). Дела по личному составу содержали также важные свидетельства о командировках рабочих и служащих.

Рабочие документы похоронных отделов содержали также статистические данные, в том числе - о числе умерших, о наличии свободных мест на кладбищах, о работе сотрудников отделов. Сравнение этих данных за разные годы позволило говорить о динамике происходивших процессов, а также о реальной нагрузке похоронных отделов в разные годы. Финансовая документация отделов (отчеты, сметы, планы, ходатайства о выделении кредитов и т.д.) позволили мне говорить об экономических основаниях похоронного дела, и перевести разговор о трансформациях похоронной культуры из плоскости чисто идеологической в практическую.

Не менее важны были фонды вышестоящих организаций, отложившиеся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГА РФ). Эти документы относятся, в основном, к концу 1930-х и 1940-м годам, и содержат материалы ревизий похоронного дела в городах РСФСР и проекты улучшения похоронного обслуживания гражданского населения. Документы такого рода отложились в фонде А-259 (Совет Министров РСФСР (Совмин РСФСР)), А-314 (Главное управление коммунального хозяйства при совете народных комиссаров РСФСР; Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР), А-339 (Министерство государственного контроля РСФСР). Наряду с подробными ревизиями московских кладбищ 1919 года,

отложившимися в фондах ГАМО, эти документы представляют собой подробные описания работы похоронной инфраструктуры, прежде всего — кладбищ и кладбищенского персонала, а также — магазинов похоронных принадлежностей.

Для изучения истории кремационного движения в СССР, помимо документов из перечисленных выше фондов ценными были документы Общества распространения и развития идей кремации, отложившиеся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГА РФ) (Фонды Р-3316 (ЦИК СССР), Р-393 (НКВД РСФСР), А-482 (Минздрав РСФСР). 112 — Особое присутствие Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах. И Российского государственного архива экономики (РГАЭ) (Фонд 2266 — Упр. городского и сельского строительства Глав. Ком. Гос. сооружений ВСНХ РСФСР)⁷³.

Помимо прочего я также работала с многочисленными юридическими документами — декретами, законами, инструкциями и локальными постановлениями. Эти документы позволили судить о том, как развивалось нормативное видение похоронной сферы на протяжении всего советского периода.

Для анализа того, как воспринимались изменения похоронной культуры, я обращалась к эго-документам — дневникам и мемуарам. В этой работе неоценимым источником стали материалы проекта «Прожито» (www.prozhito.org). Согласно требованиям по оформлению диссертационных исследований, в данной работе цитаты из дневниковых записей были перепроверены, а ссылки на дневники даны по оригинальным источникам.

⁷³ Часть материалов была получена в фондах Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ), как советского, так и досоветского периодов (Фонды Р-5407, 539, 579, 5451, Р-1235); Государственного архива Владимирской области (ГАВО) (Фонд Р-19); Государственного архива Московской области (ГАМО) (Фонд 4570).

Дневниковые свидетельства позволили мне увидеть каким было отношение к процессам трансформации похоронной культуры среди широкого круга частных лиц. Особенно ценными были дневники А.В. Жиркевича и К.Ф. Измайлова, поскольку в них можно было увидеть рефлексию акторов похоронного дела.

Важнейшим источником для данной работы стала советская художественная литература, публицистика, газетные статьи и пропагандистские материалы. Эти материалы позволили мне контекстуализировать архивные материалы, в том числе — увидеть какими были самые смелые фантазии большевистских идеологов, и как именно происходили трансформации похоронной сферы на низовом уровне.

К сожалению, в связи с удаленностью рассматриваемого периода, привычный для антропологии метод устных интервью не подошел для данного исследования, однако, отдельные устные воспоминания родственников, знакомых и коллег старшего поколения, хотя и не составили отдельного корпуса источников, но помогли лучше понять интересующие меня проблемы.

Положения, выносимые на защиту

1. Похоронная культура в раннем СССР существенно отличается как от похоронной культуры в России до революции, так и от похоронной культуры в других странах в рассматриваемый период.

2. Похоронная реформа 1918 года не являлась специфически большевистским проектом, но наследовала той линии трансформаций и реформ, которая была заложена еще в середине XIX века и в целом соответствовала общеевропейской повестке модернизации администрирования и практик в похоронном деле.

3. Катастрофические изменения в похоронной культуре, произошедшие после революции, во многом были связаны с новым пониманием человека и его смертности, которое имеет свое основание в материалистическом мировоззрении большевиков. Под влиянием войн и гражданских конфликтов, сопряженных с массовым насилием, а также материалистической идеологии советского государства, развернулся процесс стремительной десемантизации смерти, – потери традиционных смыслов, связанных со смертью и основанных на представлении о бессмертии души, а также постепенное формирование новой семантики смерти, не всегда очевидное даже для ее носителей .

4. Десемантизация смерти стала ключевым фактором формирования специфической советской похоронной культуры. Отказ от трансцендентного понимания человеческой природы не давал возможности наполнить продуктивными смыслами повседневные ритуалы смерти и блокировал любые тенденции и попытки нормализации ситуации. По этой причине в области похоронных реформ большевиков консервативный поворот 1930-х годов не имел того стабилизирующего эффекта, который он имел в области образования, муниципального управления и культуры.

5. Влияние десемантизации смерти было столь велико, что прослеживается не только в раннесоветский период, но и в послевоенный, позднесоветский и даже постсоветский.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные выводы работы были опубликованы в 15 статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, а также в иных публикациях. Основные идеи и положения диссертации были представлены в устных докладах автора на ряде отечественных и международных конференций, в частности на 16-й международной конференции Алексантери Института «Life and Death in

Russia» (Finland, Helsinki, University of Helsinki, Aleksanteri institute, 26-28 октября 2016), «Религия и Русская революция» (РАНХиГС, МВШСЭН, Журнал «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», Москва, 26 — 28 октября 2017); Slavic-Eurasian Research Center 2017 Winter International Symposium «The Russian Revolution in the Long Twentieth Century» (Hokkaido University, Sapporo, Japan, 7-8 декабря 2017 г.); XLIV ежегодной конференции группы по изучению русской революции Британской Ассоциации славистики (Cardiff University, Cardiff, UK, 4-6 января 2018 г.); XLV ежегодной конференции группы по изучению русской революции Британской Ассоциации славистики (Cardiff University, Cardiff, UK, 3-5 января 2019 г.); XXVI Банных чтениях (НЛО, Москва, 29-20 Марта 2019).

Структура диссертации Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Диссертационная работа состоит из введения, шести глав и заключения, а также списка использованной литературы и источников.

2 Основное содержание диссертации

Во введении обоснована актуальность темы исследования, степень разработанности проблемы, объект и предмет исследования, цели и задачи; научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; описана методология, методологические подходы, материалы и источниковая база исследования; формулируются ключевые положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации диссертационного исследования и ее структуре.

В первой главе «Советская похоронная культура и проблема десемантизации смерти» рассматриваются истоки формирования советской похоронной культуры. Рассмотрена похоронная реформа 1918 года в контексте аналогичных процессов в других странах Европы в XVIII-XIX веках и нормативного регулирования похоронного дела в Российской

Империи, а также – в связи с новым пониманием человеческой природы, которое было свойственно большевикам. Вводится понятие десемантизации смерти как важного следствия марксистского материалистического мировоззрения большевиков.

В первом параграфе «Похоронная реформа 1918 года» рассматриваются нормативные акты первых лет Советской власти, оказавшие влияние на структуру похоронного дела и похоронную культуру в СССР целом. Наиболее важным из рассматриваемых документов является Декрет СНК РСФСР «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 года. Реформа должна была лишить религиозные институты юридического и фактического контроля над погребением через создание системы отделов ЗАГС и муниципализацию похоронной инфраструктуры; создать единообразные и доступные для всех похороны. Вместе с другими социальными услугами, такими как обеспечение рабочими местами, жильем, медициной, похороны оказывались в числе «благ по умолчанию» для всех трудящихся страны. Кроме того, реформа предполагала легализацию кремации в стране.

Во втором параграфе «Похоронные реформы в Европе в XVIII-XIX веках» рассмотрены процессы трансформации и секуляризации похоронной культуры в других Европейских странах. Делается вывод о том, что предложенные большевиками реформы не были революционными, но лежали в общем русле трансформаций похоронной культуры в Европе Нового времени. Утверждается, что эти изменения были вызваны во многом новым пониманием человеческой природы, возникшем в период Просвещения.

В третьем параграфе «Нормативное регулирование и похоронные реформы в Российской Империи» показано, что идея реформирования похоронного дела и нормативного регулирования похоронной культуры не

была уникальной новацией большевистских лидеров. Рассмотрена серия похоронных реформ, проведенных в Российской Империи в XVIII – нач. XX веках. Показано, что все эти реформы преследовали цели, близкие к тем, что были поставлены во время реформы 1918 года – секуляризация похоронного дела и перераспределение контроля над похоронной инфраструктурой в пользу городских властей.

Четвертый параграф «Последствия похоронных реформ и советский микрокосм» рассматривает связь изменений, произошедших в раннесоветской похоронной культуре, и нового понимания человеческой природы, свойственного большевикам. Утверждается, что проблемы в похоронном деле были связаны с тем, для нового человека в том новом мире, который строился после революции, место для смерти было вообще не предусмотрено. Утверждается, что в раннесоветском обществе единственным способом адаптивного переживания смерти стало ее отрицание (например, через вытеснение частной смерти и связанной с ней семантики из общественных пространств, или через такие радикальные способы, как суицид), в том числе отрицание, которое парадоксальным образом было реализовано через концепт бессмертия («жизнь в памяти потомков»).

Вторая глава «Революционные похороны» посвящена идеологизированным революционным похоронам. Прослеживается генезис этой традиции в российском революционном движении в XIX веке, развитие идеи создания особой безрелигиозной гражданской обрядности и практика реального бытования красных похорон.

В первом параграфе «Жанр публичных похорон и революционное движение» рассматривается появление протестных похоронных практик в российском революционном движении XIX века. На материалах дневниковых записей анализируются конкретные формы протестных

похорон. На основании рассмотренного материала делается вывод о том, что уже к моменту Революции 1905 года «революционные похороны» были хорошо разработанной практикой, позволявшей ее участникам публично выражать свою политическую позицию.

Во втором параграфе «Гражданские похороны и возможность отказа от церковных обрядов» обсуждается вопрос о том, что помимо возможности выразить свою политическую позицию, революционные похороны открывали путь к созданию новой гражданской безрелигиозной обрядности. В то же время отмечается, что по-настоящему безрелигиозными были только похороны Льва Толстого, в то время как для значительной части протестных публичных похорон отказ от религиозного обряда не играл никакой роли.

Третий параграф «Похороны жертв революции на Марсовом Поле» рассматривает, как практика публичных похорон вписывается в публичную сферу после Февральской революции 1917 года. После победы революционного движения публичные политические похороны становятся одной из нормативных похоронных практик. Первыми грандиозными похоронами такого рода стали похороны жертв революции на Марсовом Поле в Петрограде. Новый революционный некрополь стал первым опытом создания нового морального локуса в революционной России, вслед за ним были созданы аналогичные площадки во многих городах, самой известной из которых стал Некрополь у Кремлевской стены в Москве. .

Четвертый параграф «Новая гражданская обрядность» анализирует попытку создания безрелигиозной гражданской обрядности, нового, альтернативного, построенного на антитезе похоронного обряда для борцов за революцию и строителей нового государства. Новый обряд должен был сочетать в себе две важные черты: декларацию приверженности новому строю и отказ от религиозных символов. Отдельно рассматривается то, как

виделся новой похоронный обряд Львом Троцким, Емельяном Ярославским, Викентием Вересаевым и Константином Мельниковым.

Пятый параграф «Практика красных похорон» анализирует как соотносились взгляды советских идеологов и реальная практика красных похорон. На основе материалов локальной прессы, дневниковых записей и архивных документов, делается вывод о том, что красные похороны, хотя и производили большое впечатление на окружающих, не были широко распространенной практикой. *Красные похороны* оставались скорее политической манифестацией крайне узкого круга политизированной молодежи и в 1920-е годы широкого распространения не получили. Некоторые факты говорят в пользу того, что данные практики изначально воспринимались как элитарные, уместные только для «прошедших обращение» — настоящих коммунистов. Для подавляющего большинства населения гораздо более актуальным оставался традиционный похоронный обряд, тесно связанный с религиозными традициями и практиками.

Шестой параграф «Похоронные практики и конструирование советской субъективности» рассматривает красные похороны как особый обряд, обрамлявший смерть *новых людей*, созданных для жизни в коммунистическом обществе будущего. В этом контексте особое значение приобретают обособленные «коммунистические площадки», расположенные внутри старых кладбищ. Показано, что политическое и идеологическое значение революционных некрополей оказывается гораздо большим, чем самой по себе красной обрядности.

Третья глава «Смерть в утопии: кладбище в пространстве социалистического города» рассматривает кладбища как часть городского пространства в контексте советских градостроительных теорий и практик.

В первом параграфе «Новый рациональный советский город» анализируются раннесоветские градостроительные концепции и делается

вывод о том, что несмотря на исключительно утилитарный тон архитектурных дискуссий этого периода, кладбище как инфраструктурный элемент городской жизни в проектах отсутствует. Более того, и в реализованных проектах соцгородов кладбища не были предусмотрены генеральным планом.

Второй параграф «Кладбища в старых городах» рассматривает судьбу старых кладбищ, расположенных в городах, построенных задолго до революции. В 1920-е годы кладбища оказались в ряду объектов, символизирующих старый мир и поэтому не вполне уместных в городской черте. В то же время кладбищенские территории с обилием зелени, тишиной и уединенностью, оказавшиеся глубоко внутри городской черты, оказываются в числе немногих зеленых пространств в быстро растущих советских городах. В то же время кладбищенская администрация сталкивается с проблемой перегруженности кладбищ. Проблема усугублялась еще и тем, что территориях кладбищ, особенно – монастырских, расположились детские трудовые колонии, школы, рабочие поселки, военные гарнизоны, трудовые лагеря и тюрьмы, рабочие клубы и даже столовые и театры.

Третий параграф «Кладбища как общественные пространства советских городов» анализирует как кладбища частично выводятся из «неэффективного» (в терминах советского властного дискурса) земельного фонда, становятся местом жизни или работы людей, никак не связанных со смертью или похоронами. Наиболее важной из новых функций кладбищ становится то, что они превращаются в новые общественные пространства – парки и скверы.

Четвертый параграф «Кремация как смертельная практика для города будущего» утверждает, что в рамках градостроительных концепций раннесоветского периода идеальной смертельной практикой была кремация,

которая позволяла полностью очистить советские города от традиционных кладбищ, символизирующих старый, отживший мир.

В четвертой главе «Кремация как новая погребальная практика» анализируется история легализации и распространения кремации в России, прослеживаются сходства и отличия советского кремационного движения от европейского. Рассматриваются различные проекты строительства крематориев в раннем СССР, и то, почему кремация, которая считалась большевиками «наилучшим способом погребения», так и не стала основной погребальной практикой ни в советский, ни в пост-советский периоды.

В первом параграфе «Европейская дискуссия о кремации XIX века» вопрос о легализации кремации в России ставится в контекст появления «моды» на эту новую практику в Европе в XIX веке. Прослеживается связь идей кремации с наследием Французской революции, а также – ту роль, которую играла кремация в левом революционном движении в странах Европы. Обнаруживается преемственность этих взглядов с русским революционным движением.

Во втором параграфе «Биологизация и десакрализация смерти и мертвого тела» рассматривается популярность идей кремации в Европе в контексте нового понимания человека. Вслед за Томасом Лакером, утверждается, что своего рода бум кремации в Европе второй половины XIX века был связан в первую очередь с ростом научного знания о причинах смерти, а также о процессах биологического разложения мертвого тела. Это приводит к тому, что мертвое тело человека начинает сближаться с мусором, который должен быть уничтожен наиболее быстрым и гигиеничным образом.

Третий параграф «Опыт катастрофы» утверждает, что существенным отличием кремационного движения в России от Европы стало то, что оно получило важнейший стимул к развитию, связанный с опытом санитарной катастрофы первых послереволюционных лет. Представление о том, что

мертвые тела несут в себе значительную санитарную угрозу, в Европе было скорее следствием аналитических рассуждений, в то время как в период между 1918 и 1922 годами во многих городах Советской России администраторы и обыватели вынуждены были узнать это на собственном опыте. Похоронные службы не справлялись с огромным числом тел жертв эпидемий и антисанитарии, тела неделями лежали на улицах городов, на кладбищах и в мертвецких. Этот тяжелый опыт заставил похоронных администраторов искать новые, более быстрые, гигиенические и эффективные способы погребения. Именно такой представляется им кремация.

Параграф четыре «Эмансипация похорон от церкви: европейский контекст» рассматривает второй, не менее важный, чем санитарный, контекст развития кремационного движения в Европе – отношение Церкви к новому виду погребения. Вопреки распространенному представлению о кремации как антихристианском или атеистическом способе погребения, кремационное движение в самом своем начале делает ставку не на «борьбу с религией, а на максимально корректное дистанцирование чисто технической проблемы избавления от трупа с одной стороны и акта погребения как религиозного таинства с другой. На материалах прессы 1920-х годов, показано, что, хотя атеистические взгляды играли важную роль в большевистском мировоззрении, пропаганда кремации в СССР в значительной степени была не пропагандой безбожия, а пропагандой новых технологий и прогресса.

Пятый параграф «Строительство Петроградского крематория» рассматривает историю первого российского крематория, строительство которого началось в 1918 году. Отдельно рассматриваются религиозные коннотации, связанные со строительством «Грандиозного Крематориума-Храма», подчеркивается, что при полной возможности представить новый проект в сугубо атеистическом ключе, члены Комиссии по постройке

Крематориума-Храма, продолжают воспроизводить старые модели, связанные с христианской практикой.

Шестой параграф «Первый Советский крематорий» анализирует историю строительства Московского Донского крематория. В параграфе показано, что ко времени реализации этого проекта, ведущим дискурсом становится технологический, модернистский дискурс, сближающий крематорий с наиболее значимыми стройками начинающейся индустриализации. Крематорий из Храма превращается в технологичный завод.

Седьмой параграф «Общественное мнение и кремация» посвящен анализу работы Общества распространения и развития идей кремации (ОРРИК), созданного с целью популяризации новой практики среди населения.

Восьмой параграф «Головокружение от успехов» рассматривает волну энтузиазма, поднявшуюся среди похоронной администрации и членов ОРРИК после открытия первого крематория в Москве. Предполагается скорейшее открытие все новых и новых крематориев. Однако, как показывают рассмотренные материалы, именно открытие Донского крематория становится апогеем кремационного движения.

Параграф девять «Кремационное движение в СССР и советская идеология» рассматривает кремационное движение в СССР как относительно независимое от большевизма течение. Утверждается, что к 1917 году кремационное движение было вполне сформировано, а приход большевиков к власти лишь создал благоприятные условия для развития и реализации их замыслов.

Пятая глава «Советская реформа похоронного администрирования» посвящена влиянию похоронной реформы 1918 года на похоронное

администрирование в СССР, рассматриваются вопрос о том, как муниципализация и переход к политике социального обеспечения трудящихся изменили культуру и практику похоронного обслуживания населения. В основе данной главы лежат материалы Похоронного отдела Московского Коммунального Хозяйства Моссовета.

В *первом параграфе* «Муниципализация похоронного дела и похоронный кризис 1919 года» рассматривается то, какие последствия имела муниципализация похоронного дела, предусмотренная Декретом о кладбищах и похоронах 1918 года. Утверждается, что изменение основ похоронного администрирования существенно усугубило работу похоронных служб в период эпидемического кризиса зимы 1918-1919 года. Включение похоронных услуг в число базового набора социального обеспечения для любого трудящегося гражданина, отказ от денежного обращения, потеря рабочих рук вследствие мобилизации могильщиков на фронт – все это приводит похоронное обслуживание в дисфункциональное состояние.

Во *втором параграфе* «Антирелигиозная кампания и похоронная инфраструктура» утверждается, что похоронные реформы 1918 года разрушили экономическую основу похоронной культуры в России, тесно связанную с религиозными институтами. До революции весь похоронный цикл находился в ведении конкретных приходов и похоронить человека без участия религиозного института было невозможно. Сословно-конфессиональная организация похоронной инфраструктуры формировала своего рода «моральную экономику» погребения и была структурообразующей особенностью похоронной отрасли в России до революции. Выводя похоронное дело из подчинения религиозным институтам, Реформа разрушала эту систему, но не предлагала ничего взамен.

Третий параграф «Новое администрирование и похоронный кризис» показывает, как отсутствие четкого представления о новой архитектуре похоронного дела приводит к дальнейшему упадку похоронной культуры в Советской России. Слабая проработанность административных механизмов погребения приводит к многочисленным затруднениям при погребении, отсутствию гробов и похоронных принадлежностей, а также упадку и разорению кладбищенских территорий.

Четвертый параграф «Классовый принцип оплаты погребения и реконструкция похоронного дела» показывает, как после неоднократных неудачных попыток решить проблемы в похоронном обслуживании в рамках советской экономической модели, предпринимается попытка реставрации дореволюционной системы похоронного обслуживания. Вопреки более ранним утверждениям о необходимости создания похорон равных для всех, вводится новая такса на услуги погребения, в основе которой лежал классовый принцип. Помимо этого, значительная часть кладбищ была передана в управление «общин верующих». Фактически, это означало реставрацию дореволюционных принципов похоронного обслуживания, когда стоимость погребения зависела от положения человека в социальной иерархии, а за благоустройство кладбищ отвечали религиозные институты. Новые принципы организации похоронного администрирования позволили начать работы по благоустройству кладбищ, однако, после принятия конституции 1936 года, декларировавшей создание бесклассового общества, тарифы, основанные на классовом принципе, были отменены.

В шестой главе «Дистопия советской смерти» рассматриваются долгосрочные последствия похоронных реформ 1918 года, в том числе проблема перехода похоронного обслуживания к низовому регулированию и разрозненному набору частных практик, проблемам похоронного обслуживания гражданского населения в военный и послевоенный периоды.

В первом параграфе «Деволуция советской похоронной реформы к низовому регулированию и частным практикам» показано как происходил распад похоронного дела как рабочего механизма. Включая похороны в число социальных гарантий, государство вынуждено было тратить огромные деньги на организацию и отправление ритуала, не имевшего очевидного смысла внутри материалистической идеологии. Драматичный разрыв между значимостью похорон как санитарного и/или политического акта и их полнейшей бессмысленностью как обряда перехода приводит к тому, что долгосрочные результаты похоронных реформ сильно отличались от того, что было задумано как в области равенства и равного доступа, так и в области создания «определенного возвышенного настроения». Демонстративные политические похороны революционеров и героев Гражданской войны постепенно в течение 1920-х годов формируют особый церемониал похорон советских лидеров и номенклатуры. В то же время, похороны простых людей, то есть подавляющее большинство советских похорон, все больше и больше мигрировали в сферу простой утилизации тел, создавая общее ощущение маргинальности этих практик, и шире – маргинальности «обычной» смерти.

Во втором параграфе «Развитие кремации. Кремация как практика чистоты» рассматривается история кремационного движения в СССР в 1930-х годах – строительство крематориев в Ростове-на-Дону, Харькове, Ленинграде, Москве, Горьком. Отдельно рассматривается амбивалентность отношения большевиков к кремации. В 1930-е годы Донской крематорий в Москве становится одновременно местом сожжения наиболее статусных представителей советской номенклатуры и значительной части репрессированных и расстрелянных. Хотя окончательное решение вопроса об истоках амбивалентного отношения к кремации, позволявшего использовать новую погребальную практику одновременно и для самых статусных, и для самых обесчещенных мертвецов, требует отдельного

большого исследования, я полагаю, что важнейшей категорией востребованной советским обществом того времени идеей, приближающей нас к ответу, является идея *чистки*. Таким образом, кремация как технология предельной чистоты позволяла, помимо прочего, окончательно очистить Партию от тех, кто считался предателями, не оставить на земле в буквальном смысле ни следа от них.

Третий параграф «Бессмысленность обычных похорон как норма: две утопии советской смерти» рассматривает Проект «Постановления СНК СССР о погребении», подготовленный в 1937 году Народным комиссариатом коммунального хозяйства. Проект по-новому очерчивал видение похоронной культуры в социалистическом обществе, предлагая целый комплекс мер для того, чтобы поставить вопрос о погребении «на должную высоту», оформив и зафиксировав важные и позитивные (с идеологической точки зрения) изменения в похоронной культуре. Проект объявляет нежелательным присутствие в публичном пространстве «неторжественных» обычных похорон. Таким образом, основной формой заботы о рядовом человеке в новом гуманном духе является максимальная элиминация смерти из пространства живых. В мире «построенного социализма» перевозить умерших следовало только ночью, хоронить – не открывая гроба, чтобы никто из живых не получил «тяжелого впечатления». И напротив, в случае смерти «выдающихся лиц» впечатления от похорон тоже должны быть выдающимися – «торжественными».

Четвертый параграф «Ревизии похоронного дела в послевоенный период» показывает, что несмотря на интерес власти к нормализации похоронного дела сохранялся на протяжении военного и послевоенного периодов. Однако, советская идеология по-прежнему не давала рабочих инструментов, которые могли бы помочь в решении проблемы благоустройства кладбищ и создания системы похоронного обслуживания.

В Заключение излагаются основные выводы диссертации. Утверждается, что сами по себе похоронные реформы 1918 года не были специфически большевистскими по своему содержанию, а наследовали той линии трансформаций и реформ, которая была заложена еще в середине XIX века, а вся реформа в целом соответствовала общеевропейской повестке модернизации администрирования и практик в похоронном деле. В то же время результаты реформ существенно отличались поставленных задач, а сформированная в СССР похоронная культура качественно отличалась от европейских образцов. Вслед за реформой последовал быстрый распад всей системы похоронного администрирования, который выразился не только в снижении качества похоронных услуг, но и зачастую в полной недоступности этих услуг. В течение короткого промежутка времени развитая система похоронных служб, которая сложилась в Российской Империи в первой четверти XX века, перестала существовать. На смену ей пришло низовое регулирование и разрозненный набор частных практик, которые выработались в стремлении общества решить проблемы похоронного обслуживания гражданского населения.

На основе проведенного анализа делается вывод о том, что катастрофические изменения в похоронной культуре, произошедшие после событий 1917 года, связаны в первую очередь с новой интерпретацией человека и смертности. Под влиянием нового мировоззрения смерть человека, мертвое тело, погребение, а вместе с тем и вся похоронная культура, полностью теряет то значение, которое она имела прежде – значение, связанное с представлением о бессмертии души и основанное на моральной экономике погребения. В раннесоветском обществе процесс десемантизации смерти привел к формированию особой похоронной культуры, влияя на поведение рядовых участников похорон, государственное регулирование похоронной сферы, градостроительную, муниципальную и культурную политики. В итоге невозможность наделить особым смыслом

феномен человеческой смертности и факт индивидуальной смерти человека, привела к тому, что механизм адаптации к утрате в советском обществе перестал работать: повседневная смерть, потерявшая смысл в годы великих потрясений, для последующих поколений советских людей так и продолжала оставаться неизжитой травмой.

В этой ситуации основным способом адаптации к факту смерти в советском обществе, способом преодолеть экзистенциальный вакуум, порожденный процессом десемантизации смерти становится механизм символического бессмертия — жизнь в памяти потомков. Новая смертная рамка, создающая символическое бессмертие и преодолевающая смерть через жизнь в делах и в памяти потомков, до определенной степени работала как адаптивный механизм. Однако, она полностью оставляла в стороне материальность смерти, в том числе — необходимость ухода за материальными объектами, связанными с мертвецами (кладбищами, могилами, памятниками).

3. Основные положения диссертационной работы нашли отражение в следующих публикациях автора:

Основные выводы работы были опубликованы в статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

- 1 Соколова А. «Вместо сжирания червями трупы людей в крематориях будем жечь»: кремация как технология чистоты в раннесоветском дискурсе // Новое литературное обозрение. 2020. № 3 (163). С. 79-95.
- 2 Соколова А.Д. Крематориум-Храм, или кремация в советском похоронном обряде 1920-х годов // Вестник антропологии. 2020. № 1 (49). С. 209-224.

- 3 Кравченко А.В., Ломакин Н.А., Склез В.М., Соколова А.Д. Парадоксы темпоральности: память о крестьянских восстаниях 100 лет спустя // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 144-165.
- 4 Sokolova A. When Ritual Becomes Protest: Crossing Bridge of Russian Mourning // Javnost. 2020. Т. 27. № 1. С. 48-64.
- 5 Sokolova A. Soviet Funeral Services: From Moral Economy to Social Welfare, and Back // Revolutionary Russia. 2019. Т. 32 №2. С. 251-271.
- 6 Sokolova A., Mokhov S. Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia // Mortality. 2020. Т. 25. № 2. С. 232-248.
- 7 Соколова А.Д. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1-2. С. 594-621.
- 8 Архипова А.С., Доронин Д.Ю., Кирзюк А.А., Радченко Д.А., Соколова А.Д., Титков А.С., Югай Е.Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация дня победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84-122.
- 9 Соколова А. Д. Замечания о значении “Death Studies” в современной науке // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 4. С. 243-245.
- 10 Соколова А.Д. Коммерциализация похоронного обряда и новые роли локальных ритуальных специалистов // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 14-25.
- 11 Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Похоронно-поминальный обряд вне традиционной культуры: тенденции и динамика трансформаций в современной России // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 3-6.
- 12 Соколова А. Спонтанная мемориализация в городском ландшафте: случай ярославского «Локомотива» // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 1. С. 67-106.
- 13 Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 137-151.

- 14 Sokolova A.D. Funerals without a body: the transformation of the traditional funeral rite // Forum for Anthropology and Culture. 2012. № 7. С. 231-246.
- 15 Соколова А.Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187-202.
- 16 Сергеева Е.В., Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Распространение и вариативность заговора «Сон Богородицы» в Селивановском районе Владимирской области // Религиоведение. 2009. № 2. С. 37-50.

А также в следующих публикациях:

- 1 Соколова А.Д. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов //Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 1 (117). С. 74-94.
- 2 Соколова А.Д. «Гроб неизбежен...». Гвидо Бартель о кремации: инженер и гигиенист. С комментариями Анны Соколовой. // Археология русской смерти. 2018, Том 5. Стр. 24-58.
- 3 Соколова А.Д. Кремация: технология против телесности //Технологии и телесность/ отв. ред. С.В. Соколовский. Москва, 2018. С. 283–305 [e-book ISBN 978-5-4211-0223-6; Apple ID 1441034671].
- 4 Соколова А.Д. Политика и смерть: стратегии репрезентации внеобрядовых контекстов через похоронный обряд / Русские начала XXI в.: историческая память, самосознание, культура. Отв.ред. А.В.Буганов. Москва, 2017. С. 150-170.
- 5Соколова А.Д. Трансформации похоронного обряда в 1920-е года // Традиционная культура русского народа в период 1920 – 1930-х годов: трансформации и развитие. / Отв. Ред. В.А. Липинская. М.: «Индрик», 2016.
- 6 Yudkina, Anna, and Anna Sokolova. 2014. “Roadside Memorials in Contemporary Russia: Folk Origins and Global Trends”. Religion and Society in Central and Eastern Europe 7 (1): 35-51.

7 Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!»
Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные
записки. 2013. №. 5(56) – С. 191-209.